ВЛАДИМИРЪ СВ.,

КАКЪ ПРОСВѢТИТЕЛЬ РОССІИ.

РѢЧЬ,

произнесенная на актѣ Кіевской Духовной Академіи 26 октября 1886 г. экстраординарнымъ профессоромъ

В. Н. Малининымъ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, соб. домъ.
1886.

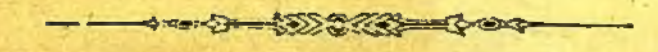
ВЛАДИМИРЪ СВ.,

КАКЪ ПРОСВѢТИТЕЛЬ РОССІИ.

РѢЧЬ,

произнесенная на актѣ Кіевской Духовной Академіи 26 октября 1886 г. экстраординарнымъ профессоромъ

В. Н. Малининымъ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, соб. домъ.
1886.

Изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ за 1886 г., № 12.

При исключительных обстоятельствах выпало намъ на долю предложить свое посильное слово по случаю обычнаго акта Академіи. Не далѣе, какъ въ прошломъ году славяне, а въ томъ числѣ и мы, русскіе, почтили память своихъ первоучителей, Кирилла и Меѳодія, и вотъ намъ предстоитъ новое высокое торжество, на этотъ разъ строго національное,—празднованіе памяти крещенія Руси св. Владиміромъ. Нужно только желать и содѣйствовать, чтобы мысль объ этомъ торжествѣ, столь важная для укрѣпленія нашего національнаго самосознанія и государственнаго единства, не заглохла, а достигла своевременнаго осуществленія. Вотъ причина, почему предметомъ настоящей рѣчи мы избрали именно безсмертныя заслуги Равноапостольнаго князя Владимира для Россіи и ея просвѣщенія.

Личность и дѣятельность этого государя представляютъ собою совершенно исключительное явленіе нашей исторіи. Въ послѣдующей исторіи онъ имѣетъ лишь одного, соотвѣтствующаго монарха, именно Петра Великаго. Сходство Равноапостольнаго Владимира съ послѣднимъ обусловливается не однимъ величіемъ личности того и другого государя, не однимъ глубокимъ пониманіемъ государственныхъ нуждъ своего времени, но съ тѣмъ вмѣстѣ самымъ характеромъ мѣропріятій, опредѣлившихъ направленіе современнаго имъ и послѣдующаго развитія политической и куль-

турной жизни Россіи. Тотъ и другой былъ истиннымъ созидателемъ государственнаго организма Россіи въ различныхъ моментахъ его существованія. Тотъ и другой, затѣмъ, возрождали государство на почвѣ культуры европейской: одинъ—западной, другой—восточной, византійской, какъ наиболѣе возвышенной въ эпоху мѣропріятій Владимира. Условія этихъ мѣропріятій были причиной, почему реформа Владимира оказалась глубже и значительнѣе по своему воздѣйствію на государственный и частный бытъ Россіи. Когда говорятъ, что Петръ Великій прорубилъ окно въ Европу, то это вовсе не значитъ, что Россія до него не была государствомъ европейскимъ въ смыслѣ культуры. Принадлежность или непринадлежность извѣстнаго государства къ семьѣ народовъ европейскихъ обусловливается не степенью культуры, а лишь характеромъ послѣдней. Въ этомъ смыслѣ Россія послѣ Владимира была и могла быть государствомъ только европейскимъ, насколько европейской была культура самой Византіи. Къ культурѣ Европы мы примкнули основнымъ фактомъ нашей древней исторіи—принятіемъ христіанства, которое разъ навсегда опредѣлило судьбу нашей политической и общественной жизни. Внѣ христіанства ни раньше, ни теперь невозможно сдѣлаться государствомъ европейскимъ; потому что культура Европы выросла на почвѣ христіанства и предполагаетъ его. Въ этомъ-то и заключается величіе и значеніе реформы Владимира,—что онъ не только старается заимствовать внѣшній строй политическаго быта тогдашней Византіи, но усвоилъ Россіи самое основаніе европейской образованности—христіанство. На этомъ основаніи созидалась вся наша послѣдующая исторія; на этомъ основаніи созидалъ свое величественное зданіе и Петръ Великій.

Къ сожалѣнію мы не можемъ входить въ подробности царствованія Владимира и предпринимать детальной оцѣнки его мѣропріятій; наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы, опираясь на данныхъ науки, ввести дѣятельность

этого государя въ должную связь съ событіями современной ему эпохи. Безъ этого намъ не объяснить ни размѣра его реформаторской дѣятельности, ни степени личной иниціативы въ тѣхъ начинаніяхъ, которыя совершались имъ и отъ его имени. Излишне доказывать, что въ оцѣнкѣ заслугъ св. Владимира для нашей исторіи центръ тяжести и заключается именно въ томъ, чтобы выяснить, въ какой степени его мѣропріятія исходили отъ него лично, и въ какой направлялись самымъ ходомъ событій.

Давно доказанная истина, что всѣ событія исторіи, не исключая и самыхъ выдающихся, подчинены строгимъ законамъ послѣдовательнаго развитія. Въ этомъ закономѣрномъ движеніи жизни личность проявляется не въ произвольномъ нарушеніи связи событій, а въ свободномъ слѣдованіи разумнѣйшему изъ того, на что указываетъ жизнь; величайшая же мудрость или геніальность сказывается именно въ умѣньи постигать запросы современной жизни и посильно ихъ удовлетворять. Это связь личности съ эпохой не была совершенно чужда даже поколѣнію, непосредственно слѣдовавшему за эпохой Владимира. Такъ митрополитъ Иларіонъ, знаменитый современникъ Ярослава, въ своемъ словѣ „О законѣ и благодати“ спрашиваетъ Владимира: „*не видѣлъ ты Христа и не ходилъ по Немъ; какъ же ты сталъ его ученикомъ?... Не видѣлъ ты апостола... Не видѣлъ, какъ изгоняли бѣсовъ именемъ Христовымъ... Не видѣлъ всего этого, какъ же ты увѣровалъ*“? (I, 134). Мы съ своей стороны эти вопросы Иларіона можемъ восполнить еще однимъ: какъ это случилось, что мы, русскіе, столь ревностные христіане, такъ поздно приняли крещеніе? Какъ произошло, что мы оказались призванными къ истинной Христовой вѣрѣ только въ 11 часу, когда мы не уступаемъ въ религіозной ревности своимъ братьямъ, раньше насъ просвѣщеннымъ купелію крещенія? Случилось потому, что иначе и не могло случиться,—что таковъ именно былъ ходъ нашей исторіи.

Исторія христіанства показываетъ, что первыми послѣдователями его сдѣлались наиболѣе культурные и политически сильные европейскіе народы: греки и римляне. Сдѣлавшись дѣятельнымъ элементомъ жизни этихъ народовъ, христіанство создало новый типъ и идеалъ культурнаго европейскаго государства, именно идеалъ государства христіанскаго. Чрезъ это навсегда и безповоротно опредѣлилась судьба каждой молодой націи, которая хотѣла примкнуть къ сонму культурныхъ народовъ Европы: она должна была прежде всего сдѣлаться христіанскою. Такимъ образомъ вопросъ шелъ не о томъ, приметъ, или не приметъ извѣстный народъ христіанство, а только о томъ, когда его приметъ. Такъ было въ цѣлой Европѣ; иначе не могло быть и у насъ. Самый вопросъ о времени принятія христіанства язычниками Европы рѣшился пространственной преемственностью, степенью территоріальной близости извѣстной націи къ центрамъ христіанской культуры. Неизбѣжность столкновеній военныхъ и сношеній торговыхъ имѣла своимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ сознаніе культурнаго превосходства своего христіанскаго сосѣда. Являлись случаи отдѣльнаго крещенія, а за ними слѣдовало и крещеніе цѣлой націи съ правителемъ во главѣ.

IX и X вѣка являются временемъ сильнаго религіознаго движенія въ пользу христіанства. Въ IX в. халифъ багдадскій и каганъ хазарскій шлютъ посольства къ греческому императору, умоляя именемъ дружбы послать достойныхъ людей для разъясненія религіозныхъ недоумѣній. Такое же посольство шлютъ моравскіе славяне и тѣмъ вызываютъ безсмертную для насъ миссію Кирилла и Меѳодія. Результаты этой миссіи сказались не только на Моравіи, но и на Панноніи и Чехіи. При этомъ замѣтимъ, что границы чешскаго королевства еще въ IX вѣкѣ соприкасались съ русскимъ прикарпатскимъ населеніемъ, а въ слѣдующемъ вѣкѣ, при Болеславѣ II, онѣ простирались до Дуная и Карпатскихъ горъ на югѣ, до Стыря и Буга на востокѣ,

такъ что на востокѣ границы доходили до ятвяговъ въ Подлясьѣ, съ которыми такъ часто воевали наши первые князья, и до владѣній приднѣпровской Руси[1]). Если къ этому прибавимъ, что въ томъ же IX вѣкѣ и Болгарія приняла христіанство и письменность святыхъ первоучителей славянства, то намъ станетъ яснымъ, что христіанство двигалось на насъ съ двухъ сторонъ: запада и юга. Кромѣ насъ, языческими оставались только два государства, Венгрія и Польша, но въ X вѣкѣ и они приняли христіанство сначала Венгрія, а въ 965 году и Польша. Очередь явно была за нами.

Но христіанство предполагаетъ въ принимающемъ, кромѣ желанія, предварительную подготовку, предрасположенность, извѣстную степень развитія, достаточную для пониманія высокихъ истинъ христіанства. Особенно это должно сказать относительно принятія христіанства цѣлымъ народомъ. Въ этомъ случаѣ требуется, чтобы если не всѣ, то по крайней мѣрѣ иниціаторы государственныхъ мѣропріятій понимали во всей глубинѣ не только превосходство христіанства, какъ религіи, но и высокое культурное его значеніе для жизни цѣлаго государства. Для этого, далѣе, требуется, чтобы само-то государство, по условіямъ своего строя, представляло возможность такихъ важныхъ переворотовъ, какъ объявленіе извѣстной религіи общегосударственною. Если мы и съ этой стороны посмотримъ на Россію IX и X вѣковъ, то не можемъ не замѣтить, что она поступательно двигалась въ направленіи, вполнѣ благопріятномъ для принятія христіанства.

IX вѣкъ ознаменовался и для насъ, русскихъ, важнымъ событіемъ—объединеніемъ Руси въ одно цѣлое подъ властію Рюриковичей. На первыхъ порахъ это объединеніе было, разумѣется, чисто внѣшнее, посредствомъ княжеской дани.

---

[1]) См. статью Н. А. Лавровскаго въ Меѳодіевскомъ Сборникѣ. Варш. 1885 г. стр. 15.

Каждое племя съ своимъ главнымъ городомъ и пригородами продолжало составлять свой особенный міръ. При такихъ условіяхъ о какихъ-либо общихъ государственныхъ мѣропріятіяхъ не могло быть и рѣчи. Сами князья, воспитанные въ понятіяхъ удальства и обогащенія, интересовались прежде всего этой данью, которую восполняли геройскими подвигами въ походахъ противъ хазаръ и Византіи. Отъ такихъ князей невозможно было ожидать такой государственной реформы, какъ общенародное принятіе христіанства. Но за то случилось, что не только могло, но и должно было случиться: частыя сношенія съ Византіей, военныя и торговыя, показывали неизмѣримое превосходство греческой образованности и религіи и вызывали отдѣльные случаи принятія христіанства. Къ этому нужно присоединить два другихъ обстоятельства: тактику византійскихъ императоровъ и захваты въ плѣнъ русскихъ славянъ, иногда очень значительные. Даже наша начальная лѣтопись передаетъ о случаѣ съ послами Олега,—что *„царь Леонъ пристави къ нимъ мужи своя показати имъ церковную красоту и полаты златыя, и въ этихъ сущая богатства, злато много, и паволоки, и каменье драгое, и страсти Господни, вѣнецъ и гвоздье, и хламиду багряную, и мощи святыхъ, учаще яко вѣрѣ своей и показующе имъ истинную вѣру“*. Въ свою очередь невозможно допустить, чтобы изъ массы плѣнныхъ, изъ которыхъ потомъ нѣкоторые возвращались домой, не было послѣдователей христіанства. Къ этому должно прибавить и плѣнныхъ изъ грековъ, которые чрезъ свою неволю не могли потерять сознанія своего превосходства надъ побѣдителями и должны были явиться проповѣдниками и своей вѣры, и своей культуры. Не говоримъ уже о греческихъ посольствахъ и греческихъ купцахъ. Отсюда намъ становится вполнѣ понятнымъ фактъ, засвидѣтельствованный договоромъ Игоря, что въ Кіевѣ въ это время была соборная церковь св. Иліи и притомъ не для кого другого, а именно для княжей дружины, потому что здѣсь часть дружины приносила клятву въ вѣрности договора. Отсюда

видно, что въ Россіи X вѣка не только были послѣдователи христіанства, но и исповѣдывали свою вѣру открыто. Но и этого мало. Въ томъ же самомъ договорѣ, въ порядкѣ присягавшихъ, христіане упомянуты впереди язычниковъ,— изъ чего видно, что они не только терпѣлись, но и были покровительствуемы княземъ. Дѣлаютъ предположеніе, совершенно вѣроятное, что и самъ великій князь Игорь „долженъ быть отнесенъ къ числу христіанъ внутреннихъ, такъ какъ будь онъ на сторонѣ язычниковъ, онъ терпѣлъ бы христіанъ, но уже ни въ какомъ случаѣ не предоставилъ бы имъ преобладанія, ибо иначе его поведеніе было бы совершенною и невозможною безсмыслицею" (Голубин. 58—59). Не легко объяснить, почему Игорь не принялъ христіанства открыто. Полагаютъ, что онъ не чувствовалъ себя достаточно твердымъ на престолѣ. Сомнительно; но если бы даже и было такъ, то отсюда все же таки слѣдовало бы; что у него достало ума для того, чтобы оцѣнить превосходство христіанства какъ религіи, но его не хватило на то, чтобы вполнѣ понять государственное значеніе христіанства, какъ силы организующей и объединяющей.

Но если Игорь остановился на полдорогѣ, то его жена Ольга пошла далѣе и приняла христіанство открыто. По древней лѣтописи она была мудрѣйшая изъ женъ и въ противоположность своему мужу отличалась большимъ государственнымъ талантомъ: *„си бо отъ возраста блаженная Ольга искаше мудростію все въ свѣтѣ семъ"*; по выраженію другой лѣтописи: *„искаше мудростію, что есть луче всего въ свѣтѣ семъ"*. При такомъ пытливомъ умѣ Ольга не могла не понять превосходства христіанства и христіанъ предъ язычествомъ и язычниками и потому открыто встала на сторону первыхъ. Если признать справедливымъ научный выводъ, что Ольга приняла крещеніе до поѣздки въ Константинополь, то самая-то поѣздка представляется фактомъ въ высшей степени знаменательнымъ. Очевидно, она была дѣломъ любознательности. Ольгѣ хотѣлось самой видѣть

центръ христіанской культуры и образованности, какъ бы на дѣлѣ провѣрить то, о чемъ она такъ много наслышалась дома. Если это вѣрно, то нужно будетъ признать, что у лучшихъ людей христіанская образованность была нераздѣльна отъ самого христіанства и свидѣтельствовала о силѣ послѣдняго. Западные лѣтописцы сообщаютъ еще одинъ любопытный и повидимому безспорный фактъ, что Ольга отправляла посольство и къ германскому императору, хотѣла и съ нимъ завязать сношенія,—что вполнѣ согласно съ характеромъ этой Екатерины II допетровской Руси.

Но если культура христіанскихъ народовъ имѣла столь важное значеніе въ глазахъ послѣдователей новой вѣры, то отсюда становится понятнымъ, что и примкнуть къ ней, разумѣемъ—добровольно, могли только люди, способные возвыситься надъ языческой стариной. Отсюда намъ вполнѣ становится понятнымъ и отношеніе къ христіанству Святослава. Не разъ и настойчиво убѣждала его мать принять новую вѣру; но онъ постоянно отговаривался тѣмъ, что надъ нимъ станетъ смѣяться дружина. Но лѣтопись при этомъ замѣчаетъ: „*Онъ же не послуша матери, и творяше норовы поганскія;* и даже: *Се же тому гнѣвашеся на матерь*, т. е. онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ языческой старины и тѣмъ обнаружилъ не менѣе рѣшительную неспособность возвыситься до пониманія христіанства и его государственнаго значенія. До какой степени Святославъ былъ лишенъ чутья государственнаго человѣка, всего лучше видно изъ того, что ради Болгаріи онъ забылъ свое отечество, и тѣмъ обнаружилъ свою слабую связь съ землей: *ты, княже*, говорили Кіевляне, *чюжей земли ищешь и блюдешь, а своея ся лишивъ* [1]). Такое настроеніе Святослава по отношенію къ христіанству разъясняетъ намъ и то, почему Ольга не могла сдѣлать попытки къ объявленію своей новой вѣры религіей цѣлаго государства даже въ малолѣтство

[1]) Ипат. лѣт. стр. 43.

своего сына. По условіямъ тогдашняго государственнаго устройства опека и регенство не могли существовать, а возможно было лишь соправительство [1]). Такимъ образомъ Ольга съ самаго начала своего правленія должна была согласовать свою внутреннюю политику съ волей Святослава и его дружины.

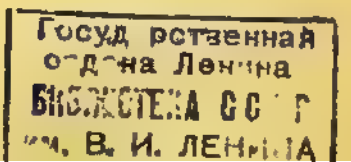
Но если доказано, что отдѣльная личность не можетъ создать исторіи, то столько же доказано, что она не можетъ остановить ея законосообразнаго движенія. Враждебное отношеніе къ христіанамъ Святослава могло лишь отсрочить на время принятіе его цѣлымъ народомъ, но не предотвратить его. Тотъ же Святославъ не могъ не признать хотя бы наружнаго превосходства жизни христіанскихъ народовъ и постоянно стремился въ Переяславль болгарскій, какъ центръ международныхъ торговыхъ сношеній. Его продолжительныя отлучки изъ Кіева были уже тѣмъ благопріятны для христіанъ, что избавляли ихъ отъ преслѣдованія и въ то же время давали Ольгѣ возможность благопріятно воздѣйствовать на дѣтей Святослава.

Одновременно съ этимъ и процессъ жизни цѣлаго государства направлялся вполнѣ благопріятно для того, чтобы Россія могла примкнуть къ сонму культурныхъ христіанскихъ народовъ.

Какъ бы ни было окраинно наше положеніе на востокѣ Европы, все же Россія несомнѣнно есть государство европейское, а не азіатское, а потому неизбѣжно должна была примкнуть къ культурной формѣ быта государствъ европейскихъ. X вѣкъ въ этомъ отношеніи прошелъ для насъ далеко не безслѣдно, расчиститвъ почву для сознанія нашего государственнаго единства. Къ XI вѣку идея этого единства была уже готова. Не говоримъ о нашей начальной лѣтописи и знаменитомъ Словѣ о Полку Игоревѣ, гдѣ эта

---

[1]) М. Ф. Будановъ, Обзоръ исторіи русск. права, Кіевъ, 1886 г. стр. 16.

идея проявляется отчетливо,—то же единство Русской земли въ XI в. исповѣдуется князьями и даже народомъ. Вотъ два-три примѣра. На Любечскомъ съѣздѣ 1097 года побужденіемъ къ соглашенію было слѣдующее: „*почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половцы землю нашу несутъ розно и ради суть, оже межю нами рати: да понѣ отселѣ имемся въ едино сердце и блюдемъ Русьскыѣ земли... Да аще кто отселѣ на кого будетъ... да будетъ на нь крестъ честный и вся земля Русьская*". Такимъ образомъ съ національной точки зрѣнія борьба князей называлась междоусобіемъ, орудіемъ гибели Русской земли и слѣдовательно какъ бы измѣной ей. Когда, затѣмъ, русскіе князья готовились наказать Святополка кіевскаго за ослѣпленіе Василька, то кіевляне говорили, что князья губятъ землю Русскую, „*которую стяжали отцы и дѣды ваши; они-де пріискивали иныхъ земель, поборая по Русской землѣ трудомъ и храбростію, а вы хотите погубить землю Русскую*" [1]). Территоріальнымъ центромъ этого единства является Кіевъ, „мать городовъ русскихъ". Когда въ 1095 году Олегъ черниговскій принужденъ былъ просить мира, то Святополкъ и Владиміръ дали ему этотъ миръ, говоря: *иди къ брату своему Давыду и приходите въ Кіевъ на столъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, потому что это старѣйшій городъ въ землѣ всей—Кіевъ; тутъ слѣдуетъ съѣзжаться и положить нарядъ* [2]). Однимъ изъ существенныхъ признаковъ этого единенія является то, что удѣлы, вмѣсто намѣстниковъ, раздаются сыновьямъ. При такомъ порядкѣ, государственное единство особенно сильно чувствовалось въ тѣ моменты, когда на главномъ столѣ сидѣлъ именно отецъ. Такіе моменты естественно были наиболѣе благопріятны и для общегосударственныхъ мѣропріятій. Въ свою очередь національная славянская стихія успѣла занять не только подобающее, но и господствующее мѣсто во дворцѣ князя, и

---

[1]) См. кн. М. Ф. Будан. стр. 48.

[2]) Ibid. стр. 43—44.

тѣмъ ясно свидѣтельствовала, что интересы князя и мѣстнаго населенія начали сливаться. При дворѣ Святослава первымъ лицомъ является еще Свѣнельдъ, но при сынѣ Святослава Ярополкѣ его смѣняетъ уже славянинъ Блудъ; при Владимирѣ, въ Новгородѣ, господствующимъ лицомъ является его дядя Добрыня. Такое объединеніе княжеской семьи съ землей дѣлало общегосударственныя мѣропріятія уже не только возможными, но и обезпечивало ихъ успѣхъ.

Ясно, что нужно было только явиться государю, способному понять общегосударственное значеніе христіанства, чтобы сдѣлать его религіей цѣлаго народа. Такой великій государь дѣйствительно и явился намъ въ лицѣ Равноапостольнаго Владимира. По прекрасной характеристикѣ проф. Голубинскаго „Владимиръ составляетъ рѣшительную противоположность съ своимъ отцомъ. Это ни малѣйше не удалый рыцарь, но государь—собиратель и строитель своей земли въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Онъ ведетъ множество войнъ, но война для войны не имѣетъ для него смысла, и всѣ войны ведутся имъ исключительно для цѣлей государственныхъ,—для расширенія или для охраненія предѣловъ государства“ [1]). Съ этимъ вмѣстѣ, соединяется у него и великій организаторскій талантъ. Въ словахъ лѣтописи: *„бѣ Володимеръ думая о строи земленѣмъ и уставѣ земленѣмъ“* дошло до насъ извѣстіе, что Владимиръ былъ истинный государь, котораго заботой было внутреннее благоустройство государства. Еще сильнѣе выраженіе Иларіона, который говоритъ о Владимирѣ, что онъ *„землю свою управлялъ съ правдою, мужествомъ и смысломъ“* (Мак. I, 132). Къ этому должно прибавить глубокое пониманіе значенія международныхъ отношеній. Достаточно указать, что одинъ изъ сыновей его, Святополкъ, былъ женатъ на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго, Ярославъ—на дочери шведскаго короля, Изяславъ—на сестрѣ короля

---

[1]) Е. Голубинскаго, Истор. русск. церк. Т. I, стр. 134.

польскаго Казимира [1]). Самъ Владимиръ, какъ язычникъ, въ числѣ законныхъ женъ имѣлъ—одну гречанку, двѣ чехини и одну болгарку, причемъ, кромѣ первой, военнопленной, нѣтъ основанія отрицать высокаго ихъ происхожденія [2]). Сохранилось даже извѣстіе, записанное Никоновской лѣтописью, что Владиміръ отправлялъ посольство для осмотра быта разныхъ народовъ.

Но если все это такъ, то, скажемъ опять словами проф. Голубинскаго, „человѣкъ съ истинно-государственными способностями, государь съ отличающею великихъ людей способностью понимать требованія времени, Владиміръ долженъ былъ понять настоявшую России необходимость стать страною христіанскою для того, чтобы сдѣлаться страной вполнѣ европейскою, и это политическое убѣжденіе, соединяясь съ прямымъ и непосредственнымъ желаніемъ дать народу истинную вѣру, и произвело то, что онъ не только самъ принялъ христіанство, но рѣшился сдѣлать это послѣднее вѣрою и всего своего государства [3]).

Древнія извѣстія не даютъ намъ точныхъ указаній, что послужило для Владиміра непосредственнымъ побужденіемъ для принятія христіанства. Изъ сопоставленія имѣющихся данныхъ должно, кажется, прійти къ тому выводу, что онъ руководился именно сознательнымъ пониманіемъ не только превосходства христіанства, какъ религіи, но и его культурнаго значенія. Митрополитъ Иларіонъ, древнѣйшій повѣствователь о крещеніи Руси, выражается о Владимірѣ, что *„руководствуясь только своимъ добрымъ смысломъ и острымъ умомъ, онъ постигнулъ, что единъ есть Богъ, Творецъ видимаго и невидимаго“* (Мак. I, 135). Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что на рѣшимость Владиміра особенно вліяли разсказы о Византіи, объ ея вѣрѣ и процвѣтаніи: *„А особенно*

---

[1]) См. Мео. Сб., стат. Н. А. Лавр. стр. 18.

[2]) Голубинскій, стр. 131.

[3]) Ibid. стр. 135.

онъ всегда слышалъ о православной христолюбивой и сильной вѣрою землѣ греческой, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и покланяются Ему, — какъ церкви тамъ полны людей, — какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежатъ къ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу. Слыша все это, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ быть христіаниномъ и обратить всю землю въ христіанство" (Мак. I. 132—133). Такимъ образомъ св. Владиміръ шелъ на встрѣчу христіанству тѣмъ же путемъ, которымъ шла и его знаменитая бабка, великая княгиня Ольга. Монахъ Іаковъ прямо говоритъ: *„То все слышавъ о своей бабкѣ, Ользѣ, Владиміръ разгорался сердцемъ, желая святаго крещенія"*. И это вполнѣ вѣроятно. Геніальнымъ людямъ свойственно понимать своихъ великихъ предшественниковъ и подражать имъ. Такъ Петръ Великій благоговѣлъ предъ Грознымъ за его пониманіе значенія для Россіи морского побережья; Екатерина благоговѣла предъ Петромъ и старалась ему во всемъ подражать. Несомнѣнно, далѣе, и то, что Владиміръ путемъ принятія христіанства стремился сдѣлать Россію въ культурномъ смыслѣ страною европейскою, а самъ сдѣлаться живымъ и дѣйствительнымъ членомъ семьи европейскихъ государей. За это говоритъ не только то, что онъ искалъ для своихъ дѣтей иностранныхъ принцессъ, но и то, что оставилъ всѣхъ прежнихъ своихъ женъ и рѣшился жениться именно на византійской принцессѣ. Нужно при этомъ прибавить, что это была высшая честь, которую могъ имѣть европейскій вѣнценосецъ; но имѣлъ ее очень рѣдко и тѣмъ болѣе варваръ. Съ этой стороны для насъ становится понятнымъ походъ Владиміра на Корсунь. Кому бы показалась такая цѣль похода невѣроятной, тотъ пусть припомнитъ, что и знаменитый Симеонъ болгарскій неиначе получилъ руку греческой царевны для своего сына Петра, какъ осадивши Константинополь, и снялъ осаду не раньше, какъ подписанъ былъ брачный договоръ.

Невозможно, однако, думать, что исключительно личное самолюбіе руководило Владиміромъ въ вопросѣ о бракѣ на греческой принцессѣ. Владиміръ рѣшился сдѣлать свое государство европейскимъ, но для этого не было у него нужныхъ средствъ; чтобы не только получить ихъ, но и получить въ должномъ количествѣ, онъ хотѣлъ заручиться родствомъ съ византійскими государями. Тому, кто бы сказалъ, что и помимо брака Владиміръ могъ расчитывать на удовлетвореніе всѣхъ своихъ желаній, что въ этомъ заключается прямой интересъ самихъ грековъ, мы напомнимъ исторію обращенія въ христіанство моравапъ и болгаръ. Ростиславъ моравскій проситъ у греческаго императора епископа и получаетъ только пресвитера; болгаре просятъ архіепископа и получаютъ его только тогда, когда фактически доказываютъ, что могутъ получить его чрезъ посредство папы. Чтобы такое толкованіе наше значенія похода Владиміра не показалось совершенно произвольнымъ, сошлемся на монаха Іакова, писателя XI вѣка, свидѣтельство котораго признается несомнѣннымъ и самыми скептичными изъ нашихъ историковъ: „*Задумалъ же (пойти) и на греческій городъ Корсунь, и такъ молился князь Владиміръ: Господи Боже, Владыко всѣхъ! сего у тебя прошу: предай мнѣ городъ, чтобы я взялъ и привелъ людей христіанскихъ и поповъ въ свою землю, да научатъ они народъ закону христіанскому*" (Мак. I, 262).

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что Владиміръ уже раньше, чѣмъ принять христіанство, хорошо понималъ тѣ культурныя цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ, что онъ понималъ не только то, что̀ хотѣлъ дать своему народу, но и то, какъ можно и должно дать,—что онъ хотѣлъ дать своей странѣ не одну только истинную вѣру, но и христіанскую образованность вообще. Для Владиміра, какъ язычника, христіанство и христіанская образованность со всѣми ея результатами составляли не два явленія, а одно. Достоинство христіанства усвоялось прежде всего именно съ точки

зрѣнія высоты культуры христіанскихъ народовъ. Высота этой культуры и служила для язычника наилучшимъ доказательствомъ высоты и истинности самого христіанства, какъ религіи. Къ этому же результату приводитъ насъ и разсмотрѣніе язычества и языческаго быта, съ точки зрѣнія которыхъ единственно и могъ смотрѣть на христіанство Владиміръ. Какъ бы онъ ни возвышался надъ своей эпохой, все же несомнѣнно онъ былъ связанъ съ ней складомъ своихъ понятій и быта. Но язычество и языческій бытъ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Язычество обнимало собою не одно міросозерцаніе своихъ послѣдователей, но и всякій шагъ его жизни. Пѣсня, рожденіе, бракъ, смерть, обстановка суда, всякая мелочь домашней жизни—все это сопровождалось такими или иными обрядами. Наложить руку на языческую религію значило наложить руку на весь старый бытъ. Въ этомъ-то и заключается глубина и достоинство преобразованій Владиміра. Въ міросозерцаніе, въ правовыя отношенія, въ семейный строй, словомъ въ цѣлый бытъ Руси онъ вносилъ совершенно новый элементъ, новую живительную, организующую и объединяющую силу. Но отсюда же видно и то, что Владиміръ былъ преобразователемъ въ лучшемъ и обширнѣйшемъ значеніи этого слова, а послѣдствія оправдали, что онъ отлично понималъ и благопріятность самаго момента преобразованія. То государственное единство, которое успѣла выработать Русь къ концу X вѣка, открывало ему возможность сдѣлать свою реформу общегосударственною. И мы имѣемъ полное основаніе думать, что при немъ всѣ по крайней мѣрѣ славянскіе элементы Руси не только приняли христіанство, но въ той или иной мѣрѣ въ немъ успѣли. Не малое содѣйствіе успѣху христіанства оказывало и раздѣленіе удѣловъ государства между сыновьями, которые, разумѣется, были крещены прежде всего. Благодаря этому, всякая полезная мѣра находила немедленное и возможное примѣненіе. Но и самъ Владиміръ не жалѣлъ ни труда, ни средствъ для по-

всемѣстнаго насажденія и укрѣпленія христіанства: самъ ѣздилъ по областямъ, ставилъ священниковъ, строилъ церкви и снабжалъ ихъ иконами, сосудами, и такимъ образомъ полагалъ начало христіанскому искусству. По выраженію Иларіона: „*вся земля наша въ одно время стала славить Христа съ Отцемъ и Святымъ Духомъ... Труба апостольская и громъ евангельскій огласили всѣ города* (Мак. I, 133—134). Не нужно представлять, что всѣ сдѣлались не только христіанами, но и истинными, убѣжденными христіанами. Самъ Иларіонъ говоритъ, что нѣкоторые крестились *не по любви, но по страху къ повелѣвшему* (ib. 133); но невольное вначалѣ, становилось добровольнымъ впослѣдствіи, и значеніе начинанія Владиміра чрезъ это ни мало не уменьшается. Образцомъ той глубокой перемѣны, которую вносило христіанство въ нашъ бытъ, служитъ самъ Владиміръ, сначала усердный язычникъ, а потомъ не только усердный, но и усерднѣйшій христіанинъ. Вспомнимъ только про его обѣды въ пользу бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, его заботу о тѣхъ несчастныхъ, которые не могли дойти до его двора и которымъ нарочито развозились не только пища, но и деньги. И такъ бывало въ Кіевѣ, и повсюду. Фактъ этотъ былъ исключительнымъ примѣромъ истинно-христіанскаго попеченія о подданныхъ, а потому неудивительно, что литература и народная память одновременно отмѣтили его. Послѣ всего этого не представляютъ ни малѣйшаго преувеличенія слова митрополита Иларіона, которыми онъ привѣтствуетъ Владиміра, какъ творца новаго поколѣнія людей: „*Встань, посмотри на сына своего Георгія... и на благовѣрную сноху свою Ирину; посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ;... какъ содержатъ благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ храмы, какъ славятъ Христа, какъ покланяются Его имени. Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ; посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри на городъ, освящаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій виміамомъ и божественными пѣснопѣніями*“ (Мак. I, 136).

Но мы не отдали бы должной чести св. Владиміру, если бы въ то же время не указали и другой величайшей его заслуги—введенія письменности. Лучшую оцѣнку значенія послѣдней для культурной жизни народа сдѣлалъ греческій императоръ Михаилъ, когда писалъ Ростиславу моравскому по поводу изобрѣтенія Кирилла и Меѳодія: „*Богъ, иже велитъ всякому, дабы въ разумъ истинный пришелъ и на большій ся чинъ подвизалъ, видѣвъ вѣру твою и подвигъ, сотвори нынѣ въ наши лѣта, да и вы причтетеся велицѣхъ языцѣхъ, иже славятъ Бога своимъ языкомъ*". Дѣйствительно, народъ безъ письменности то же, что глухонѣмой. Онъ не только лишенъ возможности дѣлиться съ другими плодами своего опыта и производительности, но еще болѣе—пользоваться плодами генія другихъ народовъ, опередившихъ его въ культурномъ отношеніи. Это міровое значеніе письменности хорошо уже понимали люди третьяго поколѣнія послѣ Владиміра. Нашъ начальный лѣтописецъ, восхваляя Ярослава, какъ образецъ неусыпнаго почитанія книжнаго, говоритъ: „*велика, братіе, польза отъ ученія: мудрость бо обрѣтаемъ и воздержаніе отъ словесъ книжныхъ: се бо суть рѣки, напаяющи вселенную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина... аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души*". Умѣлъ ли читать и писать самъ Владиміръ; или же ему также не далась трость книжника, какъ и знаменитому Карлу Великому,—мы не знаемъ; но мы знаемъ за несомнѣнное изъ лѣтописи, что онъ *бѣ любя книжная словеса* (Ипат. лѣт. 86). Уже одна эта личная любовь къ книжному дѣлу должна была вызвать со стороны Владиміра покровительство письменности; но этого сверхъ того требовало и самое существо христіанства, какъ религіи. Богослужебный христіанскій обрядъ успѣлъ уже тогда выработаться въ очень сложное и разнообразное цѣлое, состоялъ изъ такой совокупности священныхъ пѣснопѣній, что усвоить ихъ памятью во всей полнотѣ было дѣломъ невозможнымъ. То же должно сказать и относительно хри-

стіанскаго вѣроученія, къ тому же изложеннаго въ формѣ книгъ, столь же уважаемыхъ, сколько и неподлежащихъ произвольному толкованію.

Характеръ этой первоначальной письменности опредѣлить нетрудно. Вызванная религіозными нуждами, письменность и должна была удовлетворить прежде всего религіознымъ потребностямъ. Но удовлетвореніе и этихъ потребностей должно было составить дѣло громаднаго труда и матеріальныхъ жертвъ. Вспомнимъ только, что просвѣщена была христіанствомъ вся славянская Русь. Если бы даже и допустить, что первоначально церкви строились только въ важнѣйшихъ центрахъ поселеній, то все количество церквей будетъ очень значительно. Чтобы снабдить каждую изъ нихъ хотя самымъ необходимымъ, требовалось множество книгъ. При этомъ не нужно забывать, что книги *писались* и *на очень дорогомъ матеріалѣ.* Послѣ этого мы поймемъ, что иная рукопись стоила дороже цѣлой церкви. Лѣтописи передаютъ случаи постройки церквей въ одинъ день, между тѣмъ для написанія рукописи средней величины, какъ напр. евангелія, требовалось полгода, а то и болѣе того. Но нѣтъ основанія предполагать и того, чтобы за цѣлый періодъ Владимира не было потребности ни въ какихъ иныхъ книгахъ, кромѣ богослужебныхъ. О св. Борисѣ Несторъ разсказываетъ въ Житіи этого мученика, что онъ былъ грамотенъ и имѣлъ обычай читать *житія и мученія святыхъ* (Срезн. Бор. и Глѣбъ. 7). Рѣшительно невозможно думать, чтобы только Борисъ и интересовался житіями святыхъ, когда извѣстно, что этотъ родъ письменности служилъ предпочтительно предметомъ любознательности нашихъ благочестивыхъ предковъ. Если къ этому прибавить, что самыя богослужебныя книги имѣлись не только при церквахъ общественныхъ, но и домашнихъ, что нѣкоторыя частныя лица, какъ напр. наши князья, брали ихъ съ собою даже въ дорогу (См. Жит. Бор. и Глѣб. Іакова и Нестора), то мы поймемъ, что количество книгъ уже при Владимирѣ было

очень значительно. Такого большого запаса у себя дома, особенно вначалѣ, имѣть было невозможно: его нужно было взять на сторонѣ.

Здѣсь выступаетъ предъ нами, какъ достойная благодарной памяти, заслуга нашихъ братьевъ-славянъ. Представляется весьма вѣроятнымъ, что труды безсмертныхъ солунцевъ мы получали изъ Чехіи чрезъ посредство Карпатской Руси; но уже рѣшительно несомнѣнно, что мы получали книги изъ Болгаріи. Послѣдняя страна, тогда уже не только крещенная, но и имѣвшая богатую письменность, намъ издавна была знакома, благодаря военнымъ и торговымъ сношеніямъ. Что самъ Владиміръ хорошо зналъ болгаръ, видно изъ того, что одна изъ его женъ въ пору язычества была болгарка. Накапунѣ самаго крещенія, въ 985 году, онъ ходилъ по лѣтописи противъ болгаръ съ своимъ дядею, Добрыней. Совершенно напрасно въ этихъ болгарахъ хотятъ видѣть болгаръ камскихъ. Что это были именно славяне, видно изъ замѣчанія лѣтописи подъ слѣдующимъ 986 г.: *придоша Болгаре вѣры Бохъмичи*, т. е. вѣры магометанской; слѣдовательно болгаре, противъ которыхъ ходилъ Владиміръ, къ этой вѣрѣ не принадлежали. Эти болгаре Балканскаго полуострова сослужили, конечно, намъ добрую службу не тѣмъ лишь, что предоставили въ наше распоряженіе свою письменность, но и тѣмъ, что приняли непосредственное участіе въ насажденіи у насъ христіанства. Только при этомъ условіи станетъ намъ понятнымъ колоссальный успѣхъ св. Владиміра въ распространеніи христіанства по всей странѣ, при чемъ лѣтописи ни разу не указываютъ на затрудненія со стороны Владиміра въ пріисканіи духовенства. Замѣчательно при этомъ и то, что древнія извѣстія ни разу не говорятъ намъ ни о томъ, чтобы мы приняли отъ болгаръ письменность, ни о томъ, чтобы къ намъ приходило болгарское духовенство. Между тѣмъ непосредственное заимствованіе болгарской письменности совершенно достаточно доказывается раннимъ существованіемъ

у насъ такихъ переводовъ, которые несомнѣнно совершены въ Болгаріи. Такъ нашему монаху Іакову было извѣстно богословіе Іоанна Дамаскина, называемое имъ Увѣріемъ. За то же говоритъ пользованіе нашимъ начальнымъ лѣтописцемъ Палеей и Георгіемъ Амартоломъ; раннее обращеніе у насъ Четій-Минеи, Сборника Святослава или лучше Симеона болгарскаго, Златоструя и проч. При такомъ положеніи дѣла необходимо признать, что болгаре и болгарская письменность составляли у насъ столь обычное явленіе, что казалось совершенно излишнимъ объ нихъ упоминать. Только при этомъ условіи можно понять свидѣтельство лѣтописей, что на первыхъ же порахъ насажденія христіанства крестившее духовенство обращалось къ новокрещеннымъ съ словами назиданія, и нѣтъ основанія при этомъ предполагать посредство переводчика.

Это же болгарское духовенство, вмѣстѣ съ греческимъ, помогло Владиміру создать и заключительное зданіе его величественнаго творчества—создать на *Руси школу*. Не будемъ вдаваться въ подробности разбора, какая это была школа: государственная или частная, высшихъ наукъ или простой грамотности; несомнѣнно, что эта школа существовала и не только для дѣтей простыхъ людей, но и для дѣтей *нарочитой чади*, по обычному пониманію—для дѣтей высшаго сословія Даже такіе скептики, какъ проф. Голубинскій, признаютъ, что первоначальный замыслъ Владиміра относительно школы состоялъ въ томъ, чтобы ввести у насъ просвѣщеніе въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ Греціи. Какъ и можно было однако ожидать, юная русская школа, не имѣвшая исторіи и традицій школы греческой, не могла держаться на высотѣ послѣдней; но она съ самаго начала своего существованія свято выполнила одинъ завѣтъ своего великаго основателя: создала намъ новое поколѣніе людей. Кто бы захотѣлъ удостовѣриться въ этомъ, пусть прочтетъ Житіе Бориса и Глѣба, написанное

Іаковомъ и Несторомъ. Но эта юная школа создала намъ не только людей высокаго христіанскаго настроенія, но и книголюбца Ярослава, мниха Іакова, Нестора, начальнаго лѣтописца и наконецъ несравненнаго митрополита Иларіона. Большаго отъ нея за такое короткое время существованія невозможно и требовать!

Такъ вотъ чѣмъ былъ для Россіи Равноапостольный Владиміръ! Онъ далъ намъ истинную вѣру; онъ ввелъ насъ въ кругъ историческихъ народовъ, и не путемъ внѣшнихъ только сношеній, не путемъ грубой силы, всегда ненадежной, если она не имѣетъ въ основаніи силы духа, но путемъ привнесенія въ нашу жизнь началъ образованности, путемъ письменности и школы, призванныхъ вести насъ къ безконечному совершенствованію. Посудите теперь, достоинъ ли этотъ мужъ нашей памяти? достоинъ ли онъ того чествованія, которое хотимъ ему воздать? Да и это чествованіе не ему нужно, а намъ нужно, потому что онъ имѣетъ теперь честь, которой мы не въ силахъ ему воздать. Но мы, его отдаленные потомки, чѣмъ чаще будемъ его чествовать, тѣмъ болѣе будемъ свидѣтельствовать, что мы достойны своего великаго призванія, что мы цѣнимъ значеніе наслѣдства, намъ завѣщаннаго, и не только хранимъ его, но и усугубляемъ. Честь и хвала тебѣ, святой мужъ и заступникъ Русской земли [1])!

---

[1]) Принятыя границы рѣчи не позволяютъ намъ остановиться на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ вопросовъ какъ относительно личности самого Владиміра святого, такъ и относительно обстоятельствъ и слѣдствій принятія христіанства. Таковы вопросы о характерѣ Владиміра въ пору язычества и его отношеніи къ христіанству и христіанамъ, объ обстоятельствахъ принятія христіанства по указанію лѣтописи и древнихъ писателей, о размѣрахъ культурныхъ замысловъ Владиміра, о школѣ и письменности и друг. На всѣ эти вопросы мы надѣемся отвѣтить по возможности въ непродолжительномъ времени.

